

Летите голуби, летите...

28 июля 1957 года открылся Фестиваль демократической молодежи и студентов. Впервые за всю советскую историю Москва принимала не десятки, а сотни и тысячи иностранцев. Впервые москвичи общались с ними без особой опаски. Впервые, потому что, несмотря на принятые чрезвычайные меры, КГБ чисто технически не смог бы проследить за всеми приезжими. Фестиваль, особенно его открытие на недавно отстроенном стадионе в Лужниках, вызвал настоящий взрыв энтузиазма. Начало церемонии несколько раз откладывали, зарубежные гости никак не могли туда добраться. Их везли по запруженному толпой Садовому кольцу в открытых кузовах разноцветных грузовиков – розовых, голубых, светло-зеленых. Необходимого количества автобусов в Москве просто не нашлось. В кузова грузовиков поставили рядами скамейки из свежеструганных досок, на них расселись иностранные делегаты. Грузовики ползком продвигались по московским улицам, а вокруг волновалась толпа: улыбки, цветы, рукопожатия.

Зрители на трибунах стадиона, отец и другие руководители страны в правительственной ложе терпеливо ожидали прибытия гостей. Церемонию открытия с опозданием более чем на два часа начали уже в сумерках.

С грузовиками при подготовке фестиваля тогда вышла типичная для раннего послесталинского периода проблема. Все они, колхозные и работавшие в промышленности, числились в мобилизационном резерве армии. В любой момент грузовой транспорт могли призвать на военную службу, а потому красили машины в защитный зеленый цвет. Организаторы фестиваля сочли такое цветовое однообразие не очень подходящим, попросили раскрасить грузовики в веселые тона. Не тут-то было. Зеленая краска предписывалась утвержденной правительством директивой Генштаба, и только он мог ее изменить. Написали письмо начальнику Генштаба маршалу Соколовскому. Он вроде бы и не возражал, но задал вопрос: кто и за чей счет после фестиваля перекрасит «транспортные средства» в нормальный зеленый цвет? Фестивальщики ответить не смогли, а без этого маршал своего согласия не давал. Руководители комсомола обратились к Хрущеву, иной управы на военных в стране не было. Вопрос решился одномоментно и не на время фестиваля, а навсегда. Эра зеленых, постоянно готовых к бою, грузовиков закончилась. После 1957 года цвета окраски грузовиков больше не диктовались мобилизационным предписанием.

Сенсацией фестиваля стали гости из Африки и Южной Азии. Сейчас прибытие инопланетян на Землю, наверное, не вызвало бы такого фурора. Большинство из нас никогда не видело людей с иным цветом кожи, иным разрезом глаз, в иных, не похожих на привычные, одеяниях. На них смотрели с восхищенным удивлением и жалостливым сочувствием; еще бы, они – представители народов, угнетенных западными колонизаторами, вчерашние рабы, умиравшие на хлопковых плантациях американского Юга. Особое сочувствие к угнетенным американским рабам привило нам не столько провозглашение всеобщего коммунистического равенства и справедливости, сколько чтение книги «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу и, еще больше, «Том Сойер» Марка Твена. Все мальчишки и девчонки знали и любили их героев, как только в детстве любят книжных героев.

Правда, разноцветные гости Москвы не выглядели столь уж угнетенными, держали себя свободно и даже развязно, но москвичи их все равно жалели. Весной следующего года в родильных домах появилось на свет немало черненьких младенцев. Их прозвали «детьми фестиваля».

Вслед за открытием интерес к фестивалю начал постепенно спадать. Выступления артистов оставляли желать лучшего, ни в какое сравнение не шли даже с надоевшими всем декадами национального искусства союзных и автономных республик. Спортивные состязания не дотягивали даже до республиканского уровня. И сами иностранцы на поверку оказались такими же, как и мы. Заккрытие фестиваля 11 августа прошло торжественно, но уже безо всяких накладок. Грузовики с гостями продвигались по улицам без задержек.

Кроме черных и иных младенцев в Москве в наследство от фестиваля остались еще и голуби. До того их на улицах столицы не видели. Москва не страдала отсутствием птиц. По газонам и тротуарам сновали шустрые воробьи. В парках и на окраинах, где еще сохранились сады и полисадники, гнездились скворцы. Центр, особенно Кремль, насеяли вороны и галки. Но не голуби...

Накануне фестиваля кто-то из его организаторов, уже успевший побывать в Париже и Риме, предложил развести голубей и в Москве. Ведь голубь, голубка Пикассо – символ мира. Первые голуби на площади перед Моссоветом выглядели такой же диковинкой, как африканские негры или мексиканская румба. За их покоем и неприкосновенностью бдительно следили московские милиционеры.

Еще за пару лет до фестиваля никакая милиция голубей не уберегла бы. Их тут же бы переловили. Для голодного человека голубь – не символ мира, а мясо для супа. Голуби в те насытые годы почитались деликатесом наравне с курами, гусями и утками. Кто же позволит «деликатесу» беспризорно разгуливать по улицам? Конечно, голубей держали для забавы, любители-голубятники наслаждались их полетом, пируэтками, кувырками в воздухе, но содержали их в особых вольерах, под особым присмотром. Чуть недоглядишь, тут же их и утащат. Кое-кто растил голубей на прокорм, для кухни. И у тетушки моей жены в южно-украинском селе, и у нас на государственной даче в Усово суп из голубей, голубиное жаркое считались лакомым блюдом.

В 1957 году жизнь стала посытнее, и голуби на московских площадях символизировали не только миролюбие, но то, что наступали иные времена. Почувствовав себя в безопасности, птицы быстро расплодились и наравне с галками и воронами превратились в городское бедствие.